

семь народу нашему, какой миръ мы дадимъ ему, если наше знаніе приводить насъ къ убѣжденію, что самое совершенствованіе наше есть результатъ борьбы, ожесточенной войны, если при свѣтѣ нашего знанія мы можемъ видѣть лишь одно, что всеобщая борьба, безконечная война всѣхъ грызущихъ каждого и каждого противъ всѣхъ, хотя и ведущая будто-бы къ совершенствованію, концемъ будетъ имѣть общую гибель, противостоять коей мы будто-бы не въ силахъ...

Авторъ книги «Наше преступленіе», указывая только на одну причину того ужаснаго состоянія русскаго народа, въ которомъ онъ нынѣ находится,—на разобщенность съ нимъ класса образованныхъ людей,—больше всего останавливается на отношеніи судакъ явленіямъ народной жизни, и называетъ этотъ судъ,—устами мельника Степаныча (на стр. 80-й),—судомъ, устроеннымъ «для вооруженныхъ разбойниковъ», судомъ, который заботится только о томъ, чтобы пожалѣть и обѣлить преступниковъ, а не о томъ, чтобы общество оградить отъ преступленій... И нельзя не согласиться, что принципъ—«Правда и милость да царствуютъ въ судахъ»—понять нашими судьями слишкомъ односторонне;—судьи думаютъ, что надлежитъ быть милостивыми только къ преступникамъ и изъ за преступниковъ забываютъ о потерпѣвшихъ отъ преступленія, и это до такой степени, что не рѣдко потерпѣвшіе трактуются на судѣ почти какъ преступники, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ наказанія преступникамъ назначаются не въ низшей мѣрѣ. Все это вѣрно, вѣрно и то, что суровость наказаній удерживаетъ отъ преступленій: такъ въ Персіи, когда за кражи отрубали руки; кражъ почти не было, но тѣмъ не менѣе ни одинъ почти персъ,—какъ признавались въ томъ сами персы,—не удержался бы отъ выгоднаго для него преступленія, если бы былъ увѣренъ, что преступленіе не будетъ обнаружено. Такимъ образомъ нужно признать, что суровость и неизбѣжность наказаній не оздоровитъ нашъ народъ и ляментациіи на судѣ, которыя вложены авторомъ въ уста отставнаго полковника (на стр. 401—406 и 415—416 книги), хотя и справедливы, но должны относиться не къ суду только... Если народъ нашъ становится звѣремъ, какъ говоритъ отставной полковникъ, то въ этомъ виноватъ не судъ только, а гораздо болѣе военноначальствующіе и самъ, вѣроятно, полковникъ, столь рѣзко обвиняющій судъ. Развѣ офицеры и солдаты, ко-которымъ вручено одно общее дѣло,—защита отечества,—не сложились въ настоящее время въ двѣ породы людей, другъ друга не понимающія? А чрезъ войска при всеобщей воинской повинности проходитъ почти все населеніе, можно сказать весь народъ. Когда у насъ были Суворовы, вѣвшіе съ солдатами изъ одной чашки, одною съ ними ложкой, молившіеся въ одной съ солдатами церкви и негнушавшіеся принимать участіе въ самомъ богослуженій, даже до звона на колокольнѣ, тогда защита отечества стояла у насъ крѣпко. А какъ стоять у насъ дѣло защиты отечества въ настоящее время, это показала японская война, когда за нашими военноначальниками возвили въ особыхъ поѣздахъ ихъ дойныхъ коровъ... А между тѣмъ кому же легче сойтись съ народомъ, какъ не тѣмъ, которымъ вѣрено общее съ народомъ дѣло, и какое дѣло,—защита общаго отечества... И что могутъ значить всѣ ляментациіи на судѣ въ книгу Родіонова, если даже пораженіе